

10. Літературознавча енциклопедія: У 2-х т.— Т. 2 / Авт.-уклад. Ю. І. Ковалів.— К.: ВЦ “Академія”, 2007.— 624 с.
11. Стефаник В. Моє слово.— К.: Веселка, 2000.— 319 с.
12. Томашевський Б. В. Теорія літератури.— М.: Аспект Пресс, 1996.— 334 с.
13. Яковенко С. Романтики, естети, ніцшеанці. Українська та польська літературна критика раннього модернізму.— К.: Критика, 2006.— 296 с.
14. Яцків М. Муза на чорному коні.— К.: Дніпро, 1989.— 846 с.

УДК 82-95 (470)

Татьяна Сенькевич

ИСТОРИЯ И МИФ В РОМАНАХ О. ИПАТОВОЙ

Исследуется взаимодействие исторической и мифопоэтической моделей мира в структуре романов современной писательницы О. Ипатовой. Аргументируется мысль о расширении пространственно-временного континуума романов посредством актуализации образов, тем и мотивов первичной мифологии.

Ключевые слова: первичная мифология, исторический роман, гармонизация мира, синтез.

Сенькевич Т. Історія та міф у романах О. Ігнатової. Досліджується взаємодія історичної та міфопоетичної моделей світу в структурі романів сучасної письменниці О. Іпатової. Аргументується думка про розширення просторово-часового континууму романів через актуалізацію образів, тем і мотивів первісної міфології.

Ключові слова: первісна міфологія, історичний роман, гармонізація світу, синтез.

Sen'kevych T. History and Myth in the Novels of Olga Ipatova. The article investigates the interaction of the historical and mystical-poetical world's models in the structure of the novels of the modern authoress O. Ipatova. Is argued the thought about widening spatial-temporal continuum of the novels by means of actualizing the images, themes and motives of primary mythology.

Key words: primary mythology, historical novel, world's harmonization, synthesis.

Современный литературный процесс, развивающийся постепенно, динамично, демонстрирует способность к интеграции, синтезу,

трансформации жанровых форм, усложнению жанрово-стилевой парадигмы в целом.

Исторический роман имеет недолгую историю в русской (с 20-х годов XIX в.) и белорусской (с XX в.) литературах.

Вальтер Скотт, обозначив перспективы и стратегию развития данного жанра на столетия, определил главные цели и задачи, стоящие перед создателями исторического романа.

В XX в. появляются романы панорамного, биографического, историко-революционного и других планов. Подобное разнообразие, предопределившее, в свою очередь, многообразие жанровых разновидностей, демонстрировало поиск качественно новых решений в воссоздании различных эпох, их духовных лидеров, ставших неотъемлемой составляющей культурного, национального и общечеловеческого наследия.

В последние десятилетия XX века исторический роман переживает своего рода возрождение. Писатели проявляют творческие интересы в разноплановых сферах: одни закрепляют поиски исторической правды в бытовом мире прошлого, другие усиливают и углубляют философское содержание, третьих увлекает психологическая мотивация поступков героев. Некоторые писатели обращают внимание на политические интриги, борьбу и противостояние сильных мира сего. Есть и те, кто уверен: погружение в биографический материал, тщательное его изучение приблизит к читателю и время, и его выдающихся деятелей. Наконец, остаются приверженцы традиции, ориентированные на героико-романтическую составляющую романа.

Подобная многовекторность позволяет говорить о жизнеспособности исторического романа и о существующем взаимодействии литературных жанров в общелитературных процессах.

По-прежнему актуализирована в романах документальная основа, определяющая сюжетную канву, конфликт, образную систему, героев, стилистические средства и приемы. Вместе с тем авторский домисел позволяет обогатить и усложнить исторический план постижением психологии героев, включением разного рода отступлений, авторских комментариев, пейзажа. Представленная картина дополняется активным проявлением субъективно-личностного авторского начала, которое в современных условиях помогает писателю

выработать концептуальные подходы в художественном исследовании исторических реалий и судеб героев.

Объектом творческого интереса О. Ипатовой становятся события XIII–XIV веков в истории сегодняшней Беларуси. Реконструкция, интерпретация далекого прошлого, собственно историческое, вымышленное романическое в романах прозаика осложнено субъективно-личностным авторским началом, которое выражено в философских, публицистических, лирических отступлениях, картинах природы, многочисленных реминисценциях персидской поэзии, философии буддизма, Аристотеля, Эвклида, Гомера, рецептов из „Чжуд-Ши”, тибетской книги лечения, правовых норм Византии и др.

Задача писательницы – постижение первоистоков становления, формирования самобытного народосознания, миропонимания белорусов в уникальных условиях, определяемых перманентной феодальной междоусобицей, синтезом язычества и христианства, противостоянием и одновременно притяжением культур.

В романах О. Ипатовой неотъемлемой составляющей становится мифопоэтическое начало, жанрово-тематическая парадигма устного народного творчества, традиции, сыгравшие основополагающую роль в формировании менталитета тех, кто кровными узами или территориально был связан с Белой Русью.

Интерес художницы слова к дням минувшим нашел свое отражение сначала в повестях, а затем в романной трилогии о короле Миндовге, истории Новгородской и Половецкой земель („Залатая жрыца Ашвінаў”), о князе Гедимине, который в заботе об укреплении Великого княжества Литовского не только вел войны с иноземными захватчиками, но и развивал торговлю, расширял границы княжества, инициировал переселение купцов, крестьян, ремесленников из европейских государств и княжеств, что укрепляло авторитет его и подвластных ему земель („Вяшчун Гедзіміна”). В „Альгердавай дзідзе” писательница художественно убедительно реконструирует время правления сына Гедимина князя Ольгерда, усиливающего могущество Великого княжества Литовского стремлением включения в него всех русских земель, входивших в Киевскую Русь, продуманной политикой, в основе которой – государственные интересы, а не желание реализовать собственные амбиции.

Творчество О. Ипатовой исследуется белорусскими литературоведами в контексте современной белорусской литературы в целом и исторической прозы в частности. Удачную попытку создать литературный портрет писательницы предпринял Л. Савик [3], проблематика и поэтика повестей прозаика – объект научного интереса И. Доморад [1]. Роман „Залатая жрыца Ашвінаў” в статье И. Якимец анализируется прежде всего с позиции общекультурного аспекта, „утверждения” писательницей „ценности старобелорусской культуры”, исчезновению которой „способствовало... христианство” [5, 242]. Критика в этой связи интересуется отношением самой О. Ипатовой к данной проблеме. Акцентируется внимание и на имени дочери короля Миндовга Живены, которое ей дали дважды, – Евфросинья. Один из разделов монографии О. Шинкоренко посвящен образной и структурообразующей системам в творчестве О. Ипатовой [4]. Однако жанровая специфика произведений белорусской писательницы оказалась вне поля зрения критиков, что и обусловило актуальность нашего исследования. На наш взгляд, выявление жанрового своеобразия исторических романов Ипатовой в соотнесенности с современными жанрово-родовыми процессами представляется весьма существенным, так как позволяет обозначить перспективы развития классического жанра.

Первые два романа исторической трилогии О. Ипатовой начинаются кратким лаконичным словом от автора: „Залатая жрыца Ашвінаў” („Ад аўтара”), „Вяшчун Гедзіміна” („Замест прадмовы”). „Залатая жрыца Ашвінаў” разделена на первую и вторую книги, „Вяшчун Гедзіміна” состоит из глав, в названия которых вынесены ключевые, „несущие” события, факты, реалии.

Архитектоника третьей книги иная, что, на наш взгляд, предопределено изменением авторских задач. „Альгердава дзіда” лишена авторского предисловия. Названия глав двукомпонентны: дата и содержательная составляющая. При этом не всегда акцентируется внимание на историческом факте: есть даты, указывающие на события, ставшие поворотными в духовной, частной жизни героев („Год 1313. Лозка”, „Год 1341. Як таць уначы...”). В то же время писательница показывает, что личная, семейная жизнь князей подчинена политической необходимости, потому герои в своем выборе

ориентированы на приоритеты и интересы государства, княжеской власти.

Повествование в последнем романе трилогии определяется „точкой зрения” автора, который не передоверяет собственных мыслей, оценок, наблюдений даже жрецу (как это было в „Вяшчуне Гедзіміна”). Подобная субъективная организация подчинена целевой установке завершающего трилогию романа.

По этой же причине начало романа представляет собой авторскую ретроспекцию. Память времен восстанавливает события, имена, сыгравшие важную роль в истории образования, развития Великого княжества Литовского. Это храм „Ашвінаў”, где чтят язычество, поклоняются богам Велесу, Сварогу, Роду. Это и жрица Живена, дочь короля Миндовга, прабабка Лозки, героини романа „Альгардава дзіда”, которая сразу отмечает особую избранническую миссию княжича Ольгерда. Все в храме, в покоях, где расположился Ольгерд и его свита, окутано тайной. Здесь и „Бай”, и упоминаемый персонаж белорусской мифологии Дедка, Ночницы.

Лозка и открывает Ольгерду причину, по которой его выделила Живена: „Ты не хочешь убивать” (перевод наш. – С. Т.). Сочетание в Ольгерде качеств воина и гуманиста, человека, лишённого фанатизма воевать, – то, что вызвало к нему интерес и уважение знаменитой жрицы.

Поход на Ковно, к которому с особой ответственностью готовится Гедимин со своими сыновьями, должен стать своеобразной проверкой их твердости, храбрости, взвешенности в принятии решений. Но любые стратегические планы, предполагаемые тактические ходы получают в романе и усиление иного рода: молитва в церкви святых Бориса и Глеба и обращение к языческим богам, силам, к которым апеллирует княжеская семья ночью на капище Перуна, под замком в Новогрудке.

Тяжелые думы одолевают Ольгерда перед боем. Углубление в тайники души героя, его переживания позволяют автору показать истинное, человеческое в княжиче. В качестве усиливающих и обостряющих психологические контрапункты Ипатова избирает образы – ночного неба и Ворона из славянского фольклора, – который, согласно комментарию писательницы, „некоторые белорусские исследователи отождествляют... с индийским богом, защитни-

ком всемирного закона и властелином вод Варуной” [2, 523]. Подобного рода синтез образов не носит случайного характера. Известна мощная связь романтизма и мифологии, как и то, что романтизм „привел” в литературу демонологию. Сочетание романтического и мифопоэтического – яркий признак исторического романа, развивающегося в русле традиций, заложенных Вальтером Скоттом. Можно утверждать об актуализации известной романтической традиции в романах белорусской писательницы, которая обеспокоена дефицитом гармонии в современном ей обществе, экспансией „клипового сознания”. В таком случае мифопоэтическая образность выражает авторское стремление к созданию духовной общности героев и читателя.

В романе прослеживается и „реалистическая” мотивация. Следует отметить, что жанр исторического романа позволяет соединять историческую правду и вымысел без ущерба для художественности. Примером тому может служить классический реалистический роман „Война и мир” Л. Толстого, в структуре которого органично существуют романтические компоненты.

Исследовательница творчества Л. Толстого Г. Неупокоева отмечает, что приобщение к небу для героев писателя означало постижение „настоящей жизни”. Это относится и к персонажам романа „Война и мир”, и к Константину Левину („Анна Каренина”). Небо помогало им не только избавиться от прежних иллюзий (небо Аустерлица в судьбе Андрея Болконского), но и окончательно определиться в выборе жизненных целей, в избавлении от эгоистических мыслей расстаться с жизнью. Это и реализация характерного для романтической литературы мотива тоски по „небесной родине”, отражающей типичный для романтизма контекст противопоставления действительности и мечты.

Подобная ситуация возникает в романе Ипатовой, когда осмысливается переломный этап в жизни Ольгерда. При этом писательницей усилена мифологическая составляющая, что, в свою очередь, формирует проникновенную лирическую интонацию. Таинственность ночного неба, расцвеченного обилием звезд, позволяет Ольгерду прозреть космические пределы и приобщиться душой „к высоте, где жили боги и прятался Ирий, куда опавшей листвой несутся души после смерти” (перевод наш. – С. Т.) [2, 522]. Зеркальное отражение

душевного смятения героя дано в песне, доносящейся от костра (в связи с чем упоминается и богиня Макоша), где собрались воины.

Обрядовая поэзия, народные праздники, первичная мифология пронизывают всю ткань повествования, не нарушая логики и динамики подлинно исторического плана. Ярко, красочно дан в романе обряд встречи весны, прославление святой Евдокии и юной Ляли. В обряде проявляется то языческое, природное, что не опускает человека, возрождает к новой жизни, способствует формированию эстетического начала, заложенного на генетическом уровне. Атрибутика праздничного обряда символизирует торжество жизни, выражаемое и в срубленной красавице ели, украшенной лентами, и в леденцах, и в испеченных „кониках” [2, 564], и в хороводах, и в здоровой притягательной красоте Березы, „девушки с толстой косой и пышной грудью”, и в интересе к ней „разгоряченного Гиля” [2, 565], и в сером, старом снеге, олицетворяющем уход зимы.

Любой праздник невозможно представить без богатого стола. О. Ипатова описывает его изобилие так „вкусно”, что читатель попадает во власть гастрономических пристрастий предков. Пиву посвящена отдельная „здравница”, а процесс его приготовления подобен таинству, в котором почетная роль отводится Рогутису.

В произведении, как и в других романах трилогии, большое число рассуждений героя о человеке, о будущем, о предательстве, о недопустимости проявления человеческой слабости, о великой силе знаний. Все они позволяют приблизить исторического деятеля далекого прошлого к современному читателю, показать глубину и серьезность его мыслей, их вневременный, вечный характер.

Князь Ольгерд, как и его отец Гедимин в романе „Вяшчун Гедзіміна”, показан разнопланово: доблесть воина, прозорливость политика, забота сына об отце, следование его жизненному примеру, счастливый муж, мудрый и справедливый отец и др.

Переломными событиями в период княжения Ольгерда стали его поход на Орду и политическая борьба между Вильной и Москвой. Писательница отводит им важное место в повествовании о великом князе, а две заключительные главы, в которых о них рассказывается, становятся мощным финальным аккордом в убедительно, мастерски исполненном Ипатовой историческом полотне.

Структура образа центрального персонажа дается через параллель, которую обнаруживают два эпизода. В первом – „Битва под Ковно” – молодой, неопытный Ольгерд под воздействием примера отца преодолевает нерешительность, робость, сомнения и обретает неоценимый опыт воина. Во втором эпизоде представлен зрелый 66-летний князь, когда уже ему пришлось стать образцом мужественности, самоотверженности для своих сыновей. Такое строение образа позволяет автору уйти от традиционного жизнеописания и акцентировать внимание читателя на важнейших моментах в духовной биографии героя.

В свою очередь, композиция образа Ольгерда будто подчинила себе общую структуру произведения, доминантой которой является монтаж.

Таким образом, заключающий трилогию роман обнаруживает особую жанровую структуру. В ней доминирует вымышленная реальность разной природы (языческая, христианская, романтическая и пр.), а собственно исторический план сконцентрирован в начале произведения в качестве экспозиции и в последних главах, выполняющих роль финала. Подобное обрамление историческим материалом программирует читательское восприятие произведения как исторического романа. Однако срединный пласт расширяет и углубляет повествовательное поле, отражает новые качества героя, этапы формирования национального самосознания, мировидения предков и в целом историческую концепцию О. Ипатовой.

Литература

1. Дамарад І. І. Гістарычная проза Вольгі Іпатавай: праблематыка і паэтыка: Дыс. на атрымманне вучонай ступені канд. філал. навук (10.01.01).– Мн., 2002.– 111 с.
2. Іпатава В. Альгердава дзіда: Раманы.– Мн.: Беллітфонд, 2002.– 608 с.
3. Савік Л. С. Адна між замкаў: Літаратурны партрэт Вольгі Іпатавай.– Мн.: БелСаЭС „Чарнобыль”, 2003.– 165 с.
4. Шынкарэнка В. К. Нястомных пошукаў дарога: Праблемы паэтыкі сучаснай беларускай гістарычнай прозы. Мн.: Бел. навука, 2002.– 206 с.
5. Якимец І. В. Іпатава. Залатая жрыца Ашвінаў // Неман.– 2000. № 3.– С. 241–246.